

Шел третий день, как Сюань Тяньшэ томился в темнице.

В подземелье было сыро и грязно, а в углах то и дело шныряли жирные крысы. Его одеяние из мягкого дымчатого газа цвета сосновой хвои, когда-то украшенное изящной вышивкой в виде зеленого бамбука, безнадежно пострадало. После трех дней сна на голом полу пыль въелась в ткань так глубоко, что сочные стебли превратились в чахлый сухостой. Зрелище, прямо скажем, было жалкое.

Сам Сюань Тяньшэ, впрочем, ничуть не тяготился своим положением. Без еды и воды он не чувствовал ни малейшего дискомфорта — годы практики инедии давали о себе знать. Единственное, что его по-настоящему беспокоило, так это ожидание. Он томился не от желания сбежать, а оттого, что человек, ради встречи с которым всё это затевалось, до сих пор не явился.

Три дня назад Тяньшэ в одиночку ворвался в Тусянь-цзун — Орден Истребления Бессмертных. Он позволил себя схватить, надеясь разузнать правду о судьбе своей младшей соученицы. Его шимэй, Бай Мэн, принадлежала к праведному пути, и если она действительно пропала в логове Тусянь-цзун, то искать её следовало именно здесь — в глубоких застенках.

План казался безупречным: проникнуть внутрь, осмотреться, спасти Бай Мэн, если она здесь, или же найти лазейку и исчезнуть, если поиски не дадут плодов. Однако судьба распорядилась иначе — в первый же день он встретил старого знакомого.

Того, кто бесследно исчез целое столетие назад. Своего младшего дядю-наставника — Чжан Чжунъяня.

Когда стражники вели Сюань Тяньшэ по коридору, он на мгновение столкнулся с ним взглядом. Тот был облачен в черное, левую сторону его лица скрывала уродливая маска, из-под которой виднелись следы багрового гниения. Волосы, перехваченные нефритовой короной, были тронуты мертвенной сединой. От этого человека за версту несло могильным холодом, и Тяньшэ невольно поежился.

Услышав, как внешние ученики почтительно именуют незнакомца «Старейшиной Гуйфо» — Призрачным Буддой, Тяньшэ лишь горько усмехнулся про себя. Призрак в этом человеке определенно жил, а вот Будды не осталось и следа.

Его пробрал озноб от этой ауры, и Сюань Тяньшэ отвернулся, но боковым зрением успел заметить на шее Гуйфо сеть мелких трещин. Подобные следы оставляла лишь Техника Божественного Доспеха! В целом мире, пожалуй, кроме его шишу Чжан Чжунъяня и шисюна Бай Линя, этой техникой больше никто не владел.

Те, кто практикует Шэньцзя-гун, приносят себя в жертву Сюанью — Черной Черепахе, обретая дар предвидеть веления Небес. Но за каждое заглядывание в Книгу Судеб приходится платить: на коже проступают борозды, подобные узорам на панцире черепахи. Тяньшэ помнил, что у Чжан-шишу такая отметина когда-то была на левом виске — как раз там, где сейчас под

маской скрывалась гниль.

Но ведь его дядя-наставник пропал сто лет назад, во время великой битвы между линсю и мосю. Говорили, что его погубили демоны, даже Лампа души Чжан Чжунъяня тогда погасла... Похоже, на деле почтенный шишу просто предпочел сменить сторону и переметнулся к врагам.

Сюань Тяньшэ покачал головой, не желая верить в очевидное. Этот человек всегда был нелюдим, но к ученикам Сисян-мэнь относился с неизменной добротой. Будучи одним из столпов Врат Четырех Образов, он купался в лучах славы и уважения. Что могло заставить его связаться с нечистью?

А может, он просто тайный соглядатай, внедрившийся в стан врага?

Чем ломать голову, не лучше ли спросить напрямую?

— Шишу Чжан? — негромко позвал он.

Тяньшэ был уверен: обычные прихвостни его не услышат, а вот Старейшина Гуйфо — непременно. И не ошибся. Тот замер на мгновение, едва заметно повел головой и бросил на пленника быстрый, колючий взгляд.

Сюань Тяньшэ улыбнулся. Его слабенькая Техника отвода глаз не могла обмануть мастера такого уровня. Чжан Чжунъянь наверняка узнал его, а значит — обязательно придет в темницу. Чтобы спасти... или чтобы заставить замолчать навсегда.

После этой встречи Тяньшэ устроился в углу камеры. Стены здесь были неприступны, а единственное маленькое окошко под самым потолком защищали мощные заклятия. Прорыв силой стоил бы огромных затрат духовной энергии.

В камере стояла удушливая жара. Тяньшэ по привычке потянулся к поясу, желая обмахнуться веером, но вовремя вспомнил, что его складной веер отобрали при обыске. Жаль, тонкая работа из белого нефрита была редкостью даже среди бессмертных.

Он задумчиво склонил голову набок, и его внимание привлекли странные борозды на стене.

Не теряя времени, Тяньшэ принялся оттирать грязь рукавом. Вскоре линии прояснились. Обычный человек увидел бы в них лишь бессмысленную мазню, но у него сердце пропустило удар.

Это был знак, который могла оставить только Бай Мэн.

Значит, она томилась в этой самой камере.

Сложив воедино разрозненные символы, он расшифровал послание, от которого по спине пробежал холодок.

Бай Мэн вернула семейную реликвию — Знамя призыва душ. Более того, она совершила кровавую месть: истребила тридцать шесть членов семьи Чжоу, виновных в гибели её родных, и их душами напекла артефакт. Её пребывание в Тусянь-цзун вовсе не было пленом — она скрывалась здесь от ответного удара и разрушительного воздействия Знамени.

Это послание предназначалось либо ему, либо Бай Линю. Но шисюн был прикован к креслу, а сам Тяньшэ десять дней назад получил анонимное письмо без подписи. Теперь становилось ясно, что отправить его могла либо сама Бай Мэн, либо Чжан Чжунъянь.

Так на чьей же стороне старый шишу?..

Размышления прервал скрип тяжелой двери.

В камеру вошел Чжан Чжунъянь.

— Не думал, что шишу Чжан почтит своим вниманием ничтожного племянника, — первым заговорил Тяньшэ.

Собеседник хранил молчание, и Тяньшэ продолжил:

— Признаться, я не ожидал встретить вас в Тусянь-цзун. Сто лет прошло, а вы всё так же величественны, как и в былые времена.

— Хватит паясничать, — холодно отозвался Чжан Чжунъянь. — Зачем ты явился сюда?

Сюань Тяньшэ поднялся и небрежно отряхнул пыль с колен.

— Разве не вы прислали мне письмо?

Чжан Чжунъянь прищурился.

— Какое еще письмо?

— Что ж, оставим это. Поговорим о другом: почему моя шимэй Бай Мэн оказалась в этой же камере?

— Её здесь никогда не было.

— Вот как? — Тяньшэ слегка усмехнулся. — А я-то решил, что это ваша затея: бросить меня в темницу, где была Бай Мэн, чтобы я кое-что обнаружил. Например...

Он выдержал паузу, глядя прямо в маску старика.

— Что мой шишу — всего лишь тайный агент, скрывающийся в логове врага.

Чжан Чжунъянь стремительно сократил расстояние и мертвой хваткой вцепился в горло Тяньшэ.

— Что ты сказал?

Тяньшэ остался невозмутим. Он мягко, но уверенно отвел руку старика от своей шеи.

— Не кипятитесь, шишу. Лишних ушей здесь нет. Если вы решились прийти ко мне, значит, уже всё продумали.

Чжан Чжунъянь холодно хмыкнул и отступил на шаг, храня угрюмое молчание.

— Допустим, вы действительно шпион, — Тяньшэ потер след от пальцев на горле. — Тогда зачем вы лишили ног Бай Линя? Он ваш личный ученик, он почитал вас как отца. Неужели вам было ни капли не жаль разбивать ему сердце?

Чжан Чжунъянь горько рассмеялся, уходя от прямого ответа.

— Я всегда говорил Линь-эру, что ты — дрянной человек. А он спорил, твердил, что его младший брат Сюань вырос у него на глазах и является образцом благородного мужа.

— Что ж, проницательности вам не занимать, — Тяньшэ посторонился, открывая вид на испещренную знаками стену. — А теперь посмотрите-ка сюда и скажите мне еще раз, что Бай Мэн здесь не было.

— Просто каракули какого-то безумца, сидевшего здесь до тебя.

— Неужели? Жаль, ведь это наш тайный шифр. Когда-то мне пришлось подкупить шимэй двумя духовными котятками, чтобы она обучила ему даже меня. — Тяньшэ прищурился, словно погружаясь в воспоминания. — Я помню, как вы видели, как Бай Линь чертил эти знаки, и даже спрашивали, что они значат. Неужели память стала подводить?

Чжан Чжунъянь тяжело вздохнул.

— Хорошо. Бай Мэн была здесь.

— Пряталась от проклятия Знамени?

— Да... Она вырезала весь род Чжоу, чтобы вернуть Знамя призыва душ, и погубила тридцать шесть жизней ради закалки артефакта. Но её сил не хватило, чтобы сдержать мощь Знамени, начался откат. Будучи линсю, она совершила массовое убийство и не посмела вернуться во Врата Четырех Образов. Она оказалась здесь, на границе миров бессмертных и демонов, почти лишившись сил. Мы встретились случайно, и она, как и ты, узнала меня. Я укрыл её в этой темнице, чтобы она могла восстановиться. Через месяц она сумела подчинить себе Знамя.

— И где она теперь? — быстро спросил Тяньшэ.

Лицо Чжан Чжунъяня осталось бесстрастным, но он плотно сжал губы.

— Исчезла. Первые два месяца мы переписывались, но потом вестей не стало.

Сюань Тяньшэ коротко рассмеялся.

— Вашим словам нет доказательств, шишу. Может, моя шимэй сейчас томится в другом месте, подвергаясь пыткам.

— Верь во что хочешь.

Чжан Чжунъянь развернулся, собираясь уйти, но Тяньшэ окликнул его:

— Пойдите. Раз уж вы спасли Бай Мэн, неужели позволите племяннику гнить в этой дыре? Мне нужно помочь шисюну найти её. Я и так потерял три дня, больше медлить нельзя.

Он сложил руки в почтительном поклоне, как делал это много лет назад в Сисян-мэнь.

— Шишу, помогите мне.

Чжан Чжунъянь вспыхнул от гнева:

— Бай Мэн — родная сестра Линь-эра! А ты кто такой?!

— А кто я для вас — решать только вам, шишу, — Тяньшэ выпрямился. Несмотря на дорожную

пыль и грязь темницы, его лицо хранило печать благородства и спокойствия. — Заранее благодарю за помощь.

Старик выглядел взбешенным, но после недолгого колебания выудил из сумки склянку с лекарством и швырнул её Тяньшэ.

— Это снадобье «Связывающая бессмертных». Через час после приема ты впадешь в состояние, неотличимое от смерти. Даже Холодный Император не распознает обман. Тогда я велю вынести твой «труп» и выбросить за пределы ордена. Очнешься сам через три дня.

Он сделал паузу и добавил ледяным тоном:

— Впрочем, ты видишь этот яд впервые. Если я решил тебя прикончить, ты даже не поймешь разницы.

Сюань Тяньшэ покорно принял флакон.

— Разве может шишу причинить мне вред? — он улыбнулся теплой, обезоруживающей улыбкой. — Когда я выберусь, найду Мэн-эр и навещу Бай-шисюна. Расскажу ему, что учитель, по которому он столько лет тосковал, жив-здоров, служит в Тусянь-цзун и тайно печется о благе всех линсю.

— Ты!..

Тяньшэ вытряхнул пилюлю и проглотил её, не моргнув глазом, после чего сделал приглашающий жест рукой.

Чжан Чжунъянь лишь гневно хмыкнул и покинул камеру.

Разумеется, Тяньшэ не был безрассуден. Он заблокировал часть своих каналов, чтобы сохранить крупицу сознания. Если это действительно был путь к спасению — хорошо, если же смертельный яд — у него оставался шанс нейтрализовать его. Но на самом деле он шел на этот риск ради одного: проверить, придет ли за ним один конкретный человек.

Не прошло и четверти часа, как в глазах начало темнеть, а мысли стали путаться. Похоже, шишу и впрямь решил избавиться от него.

Чувства угасали, но слух всё еще улавливал тихий шорох, доносившийся сверху. Ему на шею посыпалась каменная крошка. Сюань Тяньшэ едва заметно вздрогнул. Потолок с треском проломился, и в камеру легко, бесшумно спрыгнул человек.

— Ты пришел... — прошептал Тяньшэ, прежде чем веки его отяжелели и мир окончательно

погрузился во тьму.

<http://bllate.org/book/17529/1691697>